

История ночи и звезд

Субкоманданте Маркос

6 октября 1994 г.

Приходят коммюнике с различными предложениями для обсуждения на ближайшей сессии Национальной Демократической Конвенции (НДК). Просматривая их, Тачо говорит мне, что проблема НДК заключается в том, что они не поняли, что должны создать новую организацию. «Современную, как принято говорить сейчас», уточняет. «Все хотят командовать, но никто не хочет подчиняться. НДК состоит из сплошных команданте, а должны бы быть еще и субкоманданте, майоры, капитаны, лейтенанты, рядовые и база поддержки. Но все хотят командовать, не подчиняясь. Как они смогут предложить что-то новое народу, если делают все совершенно по-старому?», спрашивает он у меня. Я пытаюсь ответить, в то же время зажигаю трубку, поправляю на себе патронташ и чихаю (все это одновременно). Тачо не дожидается, пока я закончу со столь сложным мероприятием, и сам себе отвечает: «Необходимо нечто новое, современное. Что-то вроде нас, но без оружия и без масок». Тачо уходит собирать оставшуюся часть Комитета, готовящего праздник, который мы, сапатисты, посвящаем Че и нашим вечным мертвым каждое 8 октября. Я остаюсь, концентрируюсь на улучшении моих чиханий, когда появляются Эриберто и Эва для того чтобы я им нарисовал утенка в маске. «В маске?», спрашиваю в перерыве между чиханиями. «Да», говорит Эва, в свои четыре года убежденная в том, что не нужно больше объяснений. Эриберто, которому еще три, но скоро будет четыре, более понятлив и сочувственно смотрит на меня, говоря: «Нарисуйте его в маске, потому что это же сапатистский утенок». «А!», говорю, как будто понял. Утенок у меня оказывается больше похож на рыцарский шлем и Эва начинает кукситься. Эриберто говорит ей, чтобы не хныкала, потому что СУП расскажет им сказку, пока он, Эриберто, поправит на утенке маску. Эва присаживается возле меня, но отодвигается, когда понимает, что мое чихание похоже на дождь над Агуаскальентес. Я зажигаю трубку, поправляю патронташ и, вы угадали, чихаю, тем временем, как Старик Антонио диктует мне на ухо, для того чтобы я повторил...

Историю ночи и звезд

«Много ночей назад все было ночью. Длинной крышей тени было небо, и печальной была песня мужчин и женщин. Услышав эту печальную песню мужчин и женщин, боги почувствовали к ним жалость и решили собраться, чтобы договориться что делать. Потому что боги всегда договаривались между собой чтобы что-то делать,

и этому научились наши старейшие и от них мы тоже этому научились. Договариваться мы научились чтобы что-то делать. Боги договорились убрать крышу ночи, чтобы весь свет, который вверху, опустился на мужчин и женщин, чтобы не была печальной песня мужчин и женщин. И убрали они всю крышу ночи, и пришел весь свет, которого было много, потому что ночь была длинной и покрывала все от реки до гор, и много было света, который сдерживала длинная крыша ночи. Мужчины и женщины ослепли, потому что слишком много было этого света и не было отдыха глазам и тело работало постоянно, потому что бесконечен был день. И стали жаловаться мужчины и женщины на этот свет, причинявший им столько вреда, ведь были это мужчины и женщины летучие мыши. И боги поняли свою ошибку, потому что были они богами, а не глупцами и умели видеть свои ошибки. Снова собрались боги и решили вновь установить длинную крышу ночи, на время пока будут продолжать думать и искать лучшего решения. Много времени прошло до тех пор, когда вновь смогли договориться, длинной была эта ночь, поэтому мужчины и женщины летучие мыши научились жить и ходить в ночи, без света, потому что очень долго боги решали, что делать с длинной крышей ночи. Потом, когда боги, наконец, смогли договориться, они спустились к мужчинам и женщинам и вызвали добровольцев чтобы помочь им решить проблему. И сказали боги, что добровольцы станут частицами света, которыми будет усыпана крыша ночи, чтобы ночь не была такой длинной. «Они станут звездами», сказали боги. И все мужчины и женщины сказали, что они добровольцы, потому что все хотели быть звездами и не хотели быть летучими мышами, и каждый и каждая из них стали звездами и изрешетили всю крышу длинной ночи, и не уцелело ни малейшего кусочка крыши, и опять все залил сплошной свет, и было даже хуже, чем раньше, потому что была разрушена вся крыша ночи и нельзя было заслониться от света, который слепил со всех сторон. Боги не заметили этого, потому что они уже спали, очень довольные тем, что решили проблему, не осталось у них никакой печали, и они уснули.

И тогда мужчины и женщины летучие мыши должны были сами решить эту проблему, которую они же сами и создали. И тогда они поступили как боги, собрались все вместе, чтобы договориться, и увидели, что нельзя всем быть звездами, для того чтобы одни светили другие должны погаснуть. И тогда начался еще больший спор, потому что никто не хотел гаснуть и все хотели светить и быть звездами. Но тогда настоящие мужчины и женщины, те, чьи сердца цвета земли, потому что маис рождается от земли, сказали, что они погаснут, и погасли, и так ночь стала хорошей, потому что была в ней темнота, и был свет, потому что оставшиеся звезды смогли светить благодаря другим, которые погасли, потому что иначе мы бы до сих пор были слепыми. И боги проснулись и увидели, что была ночь и были звезды, и был красив мир, который они придумали, и ушли они, поверив в то, что они, боги, решили эту проблему. Но было это не так, это были мужчины и женщины теми, кто смог найти хорошее решение и выполнить его. Но боги об этом не узнали, потому что они в этот момент уснули, а потом ушли, думая, что они все это сделали, бедняги, они никогда не узнали того, как на самом деле родились звезды и ночь, ставшие крышей настоящих мужчин и женщин. Такая вот история — некоторые должны погаснуть, чтобы другие светили, но те, кто светит, светят благодаря тем, кто погас. Если бы это было не так, никто бы не мог светить».

Эриберто говорит, что закончил поправлять маску на сапатистском утенке. Лист бумаги в руке Эриберто стал большой черной кляксой. Эва начинает кукситься, потому что не осталось ни утенка, ни маски, ничего. Но Эриберто уже доказывает ей, что его рисунок лучше, чем рисунок СУПа. «Но на нем ничего не видно», говорит Эва. «Дело в том, что это сапатистский утенок ночью, поэтому его не видно», говорит Эриберто и уводит Эву смотреть, что его утенок может плавать в луже Агуаскальентес, в отличие от утенка СУПа, который надел ему на голову железяку и поэтому наверняка бы утонул. Бедный утенок СУПа. Эва уходит с Эриберто испытывать плавательные характеристики нового утенка. Я остаюсь чихать, что мне еще остается...

Ладно. Привет и пусть в вашей ночи будет все что положено.

Из гор юго-востока Мексики

Субкоманданте Маркос

P.S. Современный. До того как я успеваю это распечатать, приходит Тачо, чтобы предложить: «Скажите этим, с Конвенции, что если они хотят, мы можем предложить им курс политической формации, т.е. курс о том, как создается новая, современная организация». Потом он замолкает, задумавшись, потом спрашивает меня: «Думаете, что эти великие мыслители допустят, чтобы мы давали им курсы?». Я ответил чиханием. «Допишите все-таки в приложении, что мы их приглашаем на курс». Тачо уходит встречаться с представителем Красного Креста. Я прячусь, потому что сюда идет Эриберто, чтобы я нарисовал ему павлина в маске. Чихание выдает меня...

P.S. Где извлекаются уроки из прошлых ошибок. Сапатистский павлин выходит у меня ооочень красиво. Я надеваю на него .... шлем, спасательный жилет и пару водолазных кислородных баллонов, на случай, если Эриберто найдет другой повод чтобы утопить моего утенка. Говорят, Агуаскальентес вновь отплывает 12, 13, 14 и 15 октября¹. Нашей задачей является вторжение в Испанию. Проблема в том что в Эсаэно² продолжается борьба между различными тенденциями — одни хотят высадиться в порту Палос, а другие — на Канарах. Я говорю им, что Гаити намного ближе и сейчас в моде «мирные» вторжения. Что бы там ни было, отплываем в назначенную дату. Вы приглашены. Принесите платков потому что... аапчхи! Спасибо (вздых).

P.S. Подтверждающий поражение. Эриберто смотрит на павлина, которого я ему нарисовал и говорит мне: «Разве этот павлин на что-то годен? Разве вы не видите, что воды уже осталось мало и из-за всех этих штук, которые вы повесили на бедного павлина, он увязнет в грязи, и умрет потому что не сможет есть и Эва начнет плакать и тогда...». Потом Эриберто мне шепчет на ухо, чтобы я не беспокоился, что Эвы сейчас здесь нет и он, Эриберто, исправит моего павлина, чтобы Эва не хныкала. Я чихаю. Эриберто удовлетворен моим ответом и уходит исправлять павлина. Появляется Тачо, чтобы сообщить, что госпиталь солидарности будет называться «Крестьянский Госпиталь им. Генерала Эмилиано Сапаты — Че Гевары». Такое большое имя, как тяжесть, которую носим за спиной...

---

¹ имеется в виду очередная сессия НДК, в Агуаскальентес, деревне, построенной сапатистами для приема гостей, и сравниваемой Маркосом с пиратским кораблем (*прим. пер.*)

² САНО (*прим. пер.*)

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Субкоманданте Маркос
История ночи и звёзд
6 октября 1994 г.

Скопировано 2018-10-14 с
https://www.tiwy.com/pais/mexico/subcomandante_marcos/historiadenoches.html
Перевод Олега Ясинского, Чили.

ru.theanarchistlibrary.org